

Роберт Янг
СРУБИТЬ ДЕРЕВО

Фантастический рассказ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

В последнюю минуту перед подъемом Стронг повернул древо-лифт с таким расчетом, чтобы оказаться спиной к стволу. Чем меньше он будет сейчас смотреть на дерево, тем лучше. Но лифт, не пройдя и ста футов, возвратился в исходное положение. Нравилось это Стронгу или нет, дерево решило навязать ему свое общество с самого начала.

Ствол находился от него футов в пятнадцати. Более всего он напоминал Стронгу скалу, выпуклую живую скалу с буграми коры и трещинами — эдакую древесную стену, уходящую ввысь, в величественное зеленое облако листвы.

Он не собирался глядеть вверх, но глаза его сами поднялись вдоль ствола. Он быстро опустил их. Чтобы обрести внутреннее равновесие, он посмотрел вниз; там, на постепенно уменьшавшейся деревенской площади, виднелись знакомые фигуры его трех компаньонов.

Сухр и Блюскиз, покуривая свои первые утренние сигареты, стояли на древнем могильном холме. Стронг поднялся слишком высоко и не видел выражения их лиц, но он почти не сомневался, что тупые черты Сухра дышали упрямством, а на лице Блюскиза было его «буйволово выражение». Райт был примерно в ста футах от подножия дерева, у пульта управления лебед-

кой. Лицо его наверняка оставалось таким же, как всегда: странная смесь доброты и решительности — разве что оно чуть-чуть напряглось от волнения. Физиономия, по которой безошибочно угадывался руководитель.

Стронг перевел взгляд на домики, окружавшие площадь. Сверху они выглядели еще очаровательнее. В золотисто-багровом сиянии Омикрона Сети яркими красками переливались коньки крыш, многочисленные зайчики танцевали на пряничных фасадах. В ближайших домиках сейчас, конечно, никого не было. Деревня в радиусе трехсот футов от подножия дерева опустела, и эту часть ее огородили веревкой. Но когда Стронг глянул на домики, ему в голову пришла фантастическая мысль: ночью в них поселились феи и теперь всю хозяйничают там.

Эта мысль развлекла его, но ненадолго. Ее спугнула процессия огромных транспортировщиков древесины; они въехали на площадь и выстроились в длинную очередь.

Вновь перед ним оказалось дерево. Он поднялся выше, и ствол пора было стать поменьше. Но Стронг этого не заметил. Ствол по-прежнему напоминал выпуклую скалу, и древоруб чувствовал себя скорее альпинистом. Взглянув вверх, он различил первую ветвь. Ее можно было сравнить с секвойей, растущей параллельно земле на вертикальном склоне древовидного Эвереста.

В крохотном аппарате радиосвязи «земля — дерево», прикрепленном к мочке левого уха Стронга, раздался голос Райта:

— Уже видели дриад?

Стронг включил миниатюрный передатчик:

— Пока нет.

— Если увидите, дайте мне знать.

— Черта с два! Вы забыли — я вытащил длинную травинку! У меня исключительные права на дерево. Что бы я здесь ни нашел, принадлежит мне. Мне одному.

Райт рассмеялся.

— Я хотел помочь вам.

— Благодарю. Не утруждайтесь. На какой я высоте?

Пауза. Стронг хорошо видел маленькую, как сигарета, фигуру Райта. Он склонился над контрольной панелью лебедки. И спустя немного:

— Сто шестьдесят семь футов. Еще сто двадцать, и вы поравняетесь с первой ветвью... Как вы себя чувствуете?

— Вполне прилично.

— Хорошо. Сообщите, если возникнут какие-нибудь неполадки. Даже самые незначительные.

— Обязательно.

Становилось сумрачнее. Нет, не сумрачнее. Зеленее. Чем выше он поднимался, тем глубже становился оттенок бледного хлорофиллового сияния, в которое, с трудом просачиваясь сквозь бесчисленные наслоения листвы, превращался солнечный свет. В нем шевельнулась боязнь дерева, но он поборол ее, прибегнув к способу, которому его научили в школе древорубов. Противоядие было очень простым: «займитесь чем-нибудь, чем угодно». И он произвел инвентаризацию оборудования, прикрепленного к металлической полосе основания лифта: древоколья, древорацион, одеяла, древопалатка, обогревательный при-

бор, молоток для забивания кольев, тросомет, резак, санитарная сумка, пояс альпиниста, веревочное седло, шнур для ветвей, агрегат Тимкина, древощипцы, фляжка...

Наконец лифт втянул его в нижние слои листвы. Листья были маленькими и изящными и напомнили ему листья красивого сахарного клена, который когда-то в изобилии произрастал на Земле. Вскоре перед ним простерлась первая ветвь, и стайка алых птиц-хохотушек встретила его прибытие жутким издевательским смехом. Несколько раз они облетели вокруг Стронга, бесцеремонно разглядывая его своими маленькими в форме полумесяца глазами, потом спиралью взвились к верхним ветвям и исчезли.

Эта ветвь была подобна хребту, который, вырвавшись из горной цепи, навис над деревней. Ее боковые отростки сами по себе были настоящими деревьями, и каждое из них, упав, могло бы разрушить по крайней мере один из домиков, столь милых сердцу колонистов.

И в который раз Стронг с недоумением спросил себя, почему коренные обитатели 18-й планеты Омикрона Сети строили свои деревни вокруг основания подобных древесных чудовищ? Разведывательный Отряд отметил в своем докладе, что местные жители, несмотря на свое умение строить красивые здания, на самом деле очень примитивны. Но даже если так, все равно они должны были знать, какую потенциальную опасность таили эти гигантские деревья во время гроз; и прежде всего они должны были понимать, что избыток тени ведет к сырости, а сырость — предвестник гниения.

Совершенно очевидно, что они до этого не додумались. Из всех деревень, построенных ими в свое время, лишь одна эта не сгнила и не превратилась в отвратительные зловонные развалины; так же, как это дерево было единственным, не заболевшим той странной болезнью, от которой, как предполагали, засохли и погибли все остальные.

Разведывательный Отряд утверждал: местные жители возводили свои селения вблизи деревьев потому, что деревья эти являлись для них религиозными символами. И эта гипотеза, несомненно, подтверждалась. Когда деревья начали гибнуть, местные жители, все без исключения, ушли в «пещеры смерти», расположенные в северных пустынях. Однако Стронг все же не мог до конца согласиться с такой гипотезой. Судя по архитектуре домов, аборигены отличались практичностью и большим художественным вкусом, а практичные мыслящие существа вряд ли пошли бы на массовое самоуничтожение только потому, что их религиозные символы оказались подверженными болезням. Более того, Стронгу приходилось и раньше рубить деревья на многих заново открытых планетах, и он неоднократно убеждался: Разведывательный Отряд достаточно часто ошибается.

Листва окружала его со всех сторон. Он находился теперь в совершенно обособленном, туманном, золотисто-зеленом мире, усыпанном цветами. На Омикроне Сети-18 этот месяц соответствовал июню, и дерево было в цвету. И единственным обитателями прекрасного мира были он сам, птицы-хохотушки да насекомые, которыми они питались. Иногда сквозь ажурные про-

светы между листьями он видел кусочки пустынной площади, и ничего больше.

Когда до ветви, на которую он забросил трос еще будучи на земле, оставалось около пятнадцати футов, он попросил Райта остановить лебедку. Взяв тросомет, он прижал приклад к плечу и принялся раскачивать лифт. Стронг наметил самую верхнюю из видимых ему ветвей. Она нависала над ним примерно в восьмидесяти футах. И во время одного из взлетов лифта, в момент, когда он находился в крайней точке амплитуды, Стронг прицелился и спустил курок.

Тросомет, словно паук, выплюнул бесконечно длинную нить. Тонкий, как осенняя паутина, трос взметнулся вверх, и его конец с грузилом, захлестнув намеченную ветвь, полетел вниз сквозь листья и цветы и закачался в нескольких дюймах от протянутой руки Стронга. Он поймал его во время следующего взлета и, продолжая раскачиваться, прижал трос к вершине треугольной рамы лифта. Он отпустил трос только тогда, когда его микроскопические волокна проникли в сталь, срослись с ней. Теперь можно было подниматься выше.

Стронг попросил Райта снова пустить в ход лебедку. Покрытый тончайшим слоем Тимкина, делавшим его практически неразрываемым, нитевидный трос заскользил через ветвь, и лифт возобновил подъем. Стронг откинулся назад насколько позволял спасательный пояс, закурил сигарету...

И увидел дриаду.

Или ему это почудилось...

Дело в том, что все разговоры о дриадах были их общей шуткой.

Стронг убеждал себя в том, что это не более, чем шутка. Ему было чертовски хорошо известно: никогда ни на каком дереве, ни на какой планете не спустится к нему прекрасная фея по тропе, устланной листьями и цветами. И хотя он непрестанно повторял себе — этому никогда не бывать, в самом дальнем уголке его сознания, к которому не отваживался приблизиться здравый смысл, жила мысль: а быть может, это все-таки когда-нибудь произойдет.

Этой шуткой они перебрасывались во время перелета с Земли и пока ехали из космопорта в деревню. Если верить болтовне Сухра, Блюскиза, Райта... и его собственной, на последнем гигантском дереве Омикрона Сети-18 должна была жить по крайней мере одна дриада. И вот будет потеха, если они ее поймают!

Что ж, подумал Стронг. Ты ее увидел. А теперь посмотрим, как ты ее поймашь.

Видение мелькнуло и исчезло — лишь слабый намек на контуры тела, вспышку красок, волшебное лицо — и вслед за растаявшим образом постепенно растаяла и его уверенность, будто он видел ее. Лифт внес его в шатер из листьев, где, как ему казалось, она только что была, но он уже не сомневался, что ее там не будет. Ее не было.

Он заметил, что у него дрожат руки. Усилием воли он вернул им твердость. «Смешно так волноваться из-за причуд солнечного света на листьях и ветвях», — сказал он себе.

А на 475-м футе подъема ему показалось, что он увидел ее снова. Только что выяснив у Райта, на какой он находится вы-

соте, Стронг случайно взглянул в сторону ствола. Она стояла там, прислонившись спиной к коре, и ее длинные стройные ноги опирались на ветвь, с которой он в этот момент порван. Тонкая фигура, сказочное лицо феи, золото волос. До нее было не более двадцати футов.

— Выключите лебедку, — тихо сказал он Райту.

Лифт остановился. Он расстегнул спасательный пояс и ступил на ветвь. Дриада не шелохнулась.

Он медленно направился к ней. Она по-прежнему была неподвижна. Он протер глаза, втайне надеясь, что она не исчезнет. Она стояла на том же месте, спиной к стволу, застывшая, подобная статуе, и ее длинные ноги опирались на ветвь. На ней была короткая, сотканная из листьев туника, которая держалась на перекинутой через плечо ленте; изящные сандалии, тоже из листьев, оплели ее ноги до середины икр. Ему начало казаться, что она действительно существует. И в этот самый миг она вдруг угасла.

Никакое другое слово не могло передать того, что произошло. Она не ушла, она не убежала и не улетела. Строго говоря, она даже не исчезла. Просто она была там, а в следующую секунду ее там не было.

Стронг остановился. Усилие, потраченное им на то, чтобы взобраться на ветвь и пройти по ней несколько шагов, было ничтожно мало, однако он весь покрылся испариной. Он ощущал пот на щеках, на лбу и шее; он ощущал его на груди и спине, он ощущал влажное прикосновение своей взмокшей от пота древорубашки.

Он достал носовой платок и вытер лицо. Сделал шаг назад. Другой. Дриада не материализовалась. Там, где она только что стояла, была лишь заросль листьев. И солнечный блик.

В наушном приемнике раздался голос Райта:

— У вас все в порядке?

Стронг секунду колебался.

— Все отлично, — наконец проговорил он. — Произвожу небольшую разведку.

— Как она выглядит?

— Она... — Стронг вовремя сообразил, что Райт спросил о ветви. Он снова вытер лицо, скомкал платок и засунул его в карман.

— Она огромна, — ответил он, когда уже смог положить на свой голос. — На самом деле огромна.

— Ничего, мы его одолеем, это дерево. Нам и раньше попадались немаленькие.

— Но не такие гигантские, как это.

— И все-таки мы справимся с ним.

— С ним справлюсь я один, — заявил Стронг.

Райт усмехнулся.

— Не сомневайся. И все же мы будем поблизости на тот случай, если... Вы готовы к подъему?

— Одну минуту.

Стронг поспешил к лифту.

— Пускайте, — сказал он.

На пятисотфутовой высоте ему снова пришлось забросить трос, а потом еще раз, когда он поднялся до пятисот девяноста.

Футах в шестистах пятидесяти от земли листва временно по-редела, и он смог метнуть трос более чем на сто пятьдесят. Он уселся поудобнее, чтобы насладиться подъемом.

На высоте около семисот футов он оставил на одной из особенно толстых ветвей древопалатку, одеяла и обогревательный прибор и закрепил их. Всегда лучше ночевать на больших ветвях. По мере того как он поднимался выше, ему лишь мельком удавалось увидеть деревню. Порой его взору открывались крайние домики, за которыми до самого горизонта простирались обогашенные химикатами поля. Растительность еще едва пробивалась, и поля были покрыты золотистой щетиной крохотных стебельков недавно посеянной пшеницы — эндемической разновидности, которая изо всей Галактики росла только на Омикроне Сети-18. К середине лета пшеница созреет, и колонисты снимут еще один из тех сказочно обильных урожаев, которые постепенно превращали первое поколение поселенцев в миллионеров.

Он мог разглядеть снующие на задних двориках крохотные фигурки домохозяек и жуками ползущие по улицам жирокары. Он мог разглядеть детей, которые казались отсюда не больше головастиков — они плавали в бассейне. Для полноты картины не хватало только маляра, красящего дом, или чинящего крышу кровельщика. Их отсутствие объяснялось очень просто: эти домики никогда не требовали ремонта.

Во всяком случае, так было до сегодняшнего дня.

Дерево, которое пошло на их строительство, и качество работы не имели себе равных. Стронг побывал только в одном из домов — в местной церкви, которую колонисты превратили в отель, — но хозяин отеля (он же мэр деревни) заверил его, что, в сущности, отель представлял собой только увеличенную и несколько богаче декорированную копию других зданий. Нигде раньше Стронг не видел такой безукоризненной отделки дерева, такой совершенной панельной обшивки. Все было идеально продумано и составляло такое единое целое, что невозможно было определить границу между фундаментом и полом, между опорными балками и стенами.

Стены переходили в окна, окна переходили в стены. Лестницы не просто спускались: они словно струились окрашенными под дерево потоками. Что же касается освещения, то свет испускало само дерево.

Разведывательный Отряд, признав местных жителей примитивными, основывал свое заключение главным образом на том (и это, по мнению Стронга, возможно, было большой глупостью), что аборигены научились обрабатывать металлы только в позднем периоде своего существования. Но пыл, с которым колонисты мечтали сохранить эту единственную уцелевшую деревню (на что было получено разрешение Департамента Галактических Земель), красноречиво свидетельствовал о том, что неумение местных жителей творить чудеса из железа и меди с лихвой возмещалось их способностью творить чудеса из дерева.

Перед тем как покинуть лифт, он забрасывал трос еще три раза. И теперь, стоя на ветви, Стронг надел пояс верхолаза и с помощью специальных замков-защелок прикрепил к нему нужные инструменты. Потом он отцепил от основания лифта конец шнура и защелкнул карабин у правого бедра.

С расположенной выше развилки, точно серебряная лиана, свисала седельная веревка. Развилка находилась на двадцать футов ниже самой верхней точки дерева и более чем в тысяче футов над землей.

Эта цифра не укладывалась в сознании. Ему не раз приходилось взбираться на высокие деревья; некоторые из них достигали даже пятисот футов. Но по сравнению с этим они казались пигмеями. Это возвышалось над землей более чем на тысячу.

Тысяча футов!

Седельная веревка приобрела новое значение. Он потянулся к ней и коснулся рукой ее поверхности, которая мягко присасывалась к ладоням. Проследовал глазами вдоль ее двух серебряных полосок. И полез вверх, перехватывая веревку, подтягиваясь и пропуская веревку между ногами, «стоя» на ней, когда вновь начинали действовать руки. Переполюнявивший его восторг умножил силы; горячими волнами разливалась по телу кровь; пело все его существо. Поднимался он неторопливо и уверенно. Добравшись до развилки, он влез на ветку и посмотрел вверх.

До последнего разветвления оставалось еще каких-нибудь десять футов. Нажав маленькие кнопки, он освободил вмонтированные в подошвы древоботинок стальные шипы и, встав, приложил ладони к темно-серой коре. На этой высоте диаметр ствола был меньше фута и поверхность его была гладкой и шелковистой, как шея женщины. Стронг поднял левую ногу и опустил ее под углом к стволу. Надавил. Шипы глубоко вонзились в дерево. Он перенес тяжесть на левую ногу, наступил правой. И полез вверх.

Даже закрыв глаза, вы безошибочно можете определить, что приближаетесь к вершине дерева. Любого дерева. Чем выше вы поднимаетесь, тем сильнее раскачивается ствол, который под вашими руками становится все тоньше; по мере того как вокруг редет листва, все ярче светит солнце; все быстрее и быстрее бьется ваше сердце...

Добравшись до последней развилки, Стронг уселся верхом на ветку и посмотрел вниз, на раскинувшийся перед ним мир.

Отсюда листва еще больше напоминала зеленое облако — огромное зеленое облако, которое скрывало почти всю деревню. За его кружевными краями были видны только самые крайние домики. А дальше бесшумно катилось к горизонту «Великое Пшеничное Море» — как он мысленно называл поля.

Хотя более уместным здесь было бы слово «архипелаг». Потому что, куда бы он ни бросил взгляд, повсюду виднелись «острова». «Острова» сгнивших деревень; одни — увеченные зловещими серыми маяками мертвых деревьев, другие — засыпанные серыми обломками упавших. «Острова» контейнеров с отбросами из прочной стальной фольги, «острова» ангаров из того же материала. В них находились сеялки-геликоптеры и облетенные комбайны, взятые колонистами в аренду у Департамента Галактических Земель.

Вблизи деревни виднелись «острова» поменьше: завод по обеззараживанию сточных вод, мусоросжигательная печь, крематорий. И наконец, еще один, новенький с иголочки, «остров» —

лесопильный завод, на котором колонисты собирались обрабатывать древесину этого дерева.

В некотором смысле дерево уподоблялось урожаю, потому что на Омикроне Сети-18 высоко ценилась древесина — почти так же, как на Земле. Но даром они ее не получают, подумал Стронг; им таки придется раскошиться и отвалить компании «Убийцы деревьев, инкорпорейтед» кругленькую сумму.

Стронг расхохотался. Он не очень-то симпатизировал колонистам. Как и Блюскиз, он отлично понимал, что они творят с почвой и как будет выглядеть Омикрон Сети-18 через пятьдесят лет. Временами он их ненавидел...

Но не сейчас. Сейчас, когда утренний ветерок вздувал его древурубашку и утреннее солнце касалось его лица, когда над его головой распростерлось необъятное небо, а у ног раскинулся весь мир, сейчас ему вообще трудно было что-либо ненавидеть.

Он выкурил сигарету. На вершине мира, под чужим ветром и солнцем, она показалась ему особенно приятной. Он затягивался, пока окурки не ожег ему пальцы, потом загасил его о подошву ботинка.

Когда он поднял руку, на его указательном и большом пальцах была кровь.

Сперва он решил, что порезался, но, когда он стер кровь, на руке не оказалось ни малейшего пореза, даже царапины. Он нахмурился. Быть может, он поранил себе ногу? Он наклонился... и увидел окровавленную подошву ботинка и кровь, каплями стекавшую с шипа. Он наклонился еще ниже... и увидел кровавый след, оставленный шипами на гладкой серой поверхности ствола. Наконец он понял, в чем дело. Кровь была не его. Это была кровь дерева.

Искрилась на солнце дрожащая под ветром листва, и лениво качался из стороны в сторону ствол. Из стороны в сторону, из стороны в сторону...

Сок!

Ему уже начало казаться, что это слово никогда не отстоит свои права, а его сознанием навеки завладеет его ложный синоним.

Сок...

Ведь ему совсем не обязательно быть прозрачным. При соответствующих пигментах сок мог быть любого цвета под солнцем. Пурпурного. Зеленого. Коричневого. Красного...

Кроваво-красного...

Из того, что обычные деревья обладали определенными особенностями, вовсе не следовало, что те же особенности должны быть свойственны и этому дереву. Не было такого закона, по которому сок дерева обязательно должен быть бесцветным.

Ему стало немного легче. Красный сок, подумал он. Надо скорее сообщить Райту!

Но когда Райт связался с ним, он не сказал ему об этом ни слова.

— Вы готовы? — спросил Райт.

— Нет... не совсем. Произвожу небольшую разведку.

— Как я погляжу, сегодня это ваше любимое занятие.

— Отчасти.

— Ладно, раз уж вы решили оставить дриад себе, не буду вам мешать. Тем более вы слишком высоко. А такому немоллодому древорубу, как я, взобраться к вам не под силу. Я хотел вам сказать, что мы собираемся немного закусить. Советую вам сделать то же самое.

— Слушаюсь, — сказал Стронг.

Но есть он не стал. Лежавший у него в кармане древорацион не возбуждал аппетита. Посидев еще немного на развилке, он выкурил еще одну сигарету и спустился по стволу до ветви, через которую проходила седельная веревка. Руки его обагрились кровью, и ему пришлось вытереть их носовым платком.

Убрав шипы, он обвил ногами веревку и «слетел» вниз на развилку, через которую проходил шнур. Пробыв там ровно столько времени, сколько требовалось, чтобы сесть в седло, он молниеносно спустился к концу шнура и прикрепил к поясу щипцы. Первая стофутровая ветвь находилась под ним футах в двадцати. Он в секунду преодолел это расстояние и стал на ветвь. Потом он приладил к ветви щипцы. Их острые клешни вгрызлись в дерево. Работа подействовала на него успокаивающе, и, включив передатчик, он машинально заговорил в том шутливо-официальном тоне, в котором они с Райтом иногда беседовали по линии «земля — дерево».

— Теперь дело за вами, мистер Райт. Я готов.

Молчание. И наконец:

— Вас, мистер Стронг, не очень-то устраивают длинные обеденные перерывы, а?

— Во всяком случае, не тогда, когда у меня под носом маячит такое огромное дерево.

— Включаю лебедку. Дайте знать, когда шнур натянется.

— Слушаюсь, мистер Райт.

Заработала лебедка, шнур, до этого висевший дугой, превратился в струну. Ветвь вздрогнула, затрещала...

— Выключите лебедку, мистер Райт.

Стронг направился к стволу, устроился в седле и достал резак, с виду похожий на пистолет. Настроив резак на десятифутовый луч, он направил дуло на основание ветви. Он уже совсем было собрался нажать курок, когда у самой границы его поля зрения мелькнули контуры тела и цветное пятно. Он перевел взгляд туда, где полуденное небо ласково гладило отягощенные листьями боковые ветки...

И увидел дриаду.

— Мы ждем вашей команды, мистер Стронг.

Стронг судорожно глотнул. Выступивший на лбу пот потек вниз и залил ему глаза. Он вытер его рукавом рубашки. Дриада не исчезла.

Опершись на локоть, она полулежала на ветке, слишком тонкой, чтобы выдержать ее тяжесть, а ее легкое платье настолько слилось с окружающей листвой, что, если бы не ее волшебное лицо, не золотистые руки и ноги и не пушистая копна желтых волос, он мог бы поклясться, что она ему почудилась; но, даже разглядев ее, он все равно почти готов был поклясться, что ее там нет, ибо лицо ее могло быть только что распустившимся цветком, ее руки и ноги — золотистой пшеницей, проглядывав-

шей через просветы в листе, а волосы — горстью солнечного света.

Он снова протер глаза. Но она не желала исчезать. Чувствуя себя дураком, он помахал ей рукой. Она даже не шевельнулась. Он опять помахал ей, чувствуя себя уже полнейшим идиотом. Потом выключил передатчик.

— Уйди оттуда! — крикнул он.

Она и глазом не моргнула.

— Почему задерживаетесь, Стронг?

Тон Райта и опущение насмешливо-официального обращения «мистер» свидетельствовали о его нетерпении.

«Послушай, — сказал себе Стронг, — ведь до этого ты взбирался на сотни деревьев, и ни на одном из них ты не видел ни одной дриады. Ни одной. На свете вообще нет никаких дриад. Никогда не было. И никогда не будет. Ни на этом дереве и ни на каком другом. И сидящая на той ветке дриада не более реальна, чем шампанское в твоей фляжке!»

Он с трудом перевел взгляд на нижнюю часть ветви, куда был нацелен резак, и заставил себя нажать курок. Дерево рассекла узкая щель; он почувствовал почти физическую боль. Стронг включил передатчик.

— Поднимайте, — произнес он.

Струной зазвенел натянувшийся шнур; вздохнула ветвь. Он углубил разрез.

— Поднимайте, — повторил он.

На этот раз ветвь приподнялась уже заметно.

— А теперь тяните шнур равномерно, мистер Райт, — сказал он и медленно поднял невидимый луч резака, вонзая его в ткань ветви, дюйм за дюймом замораживая молекулярную структуру древесины. Когда он отрезал ветвь полностью, она повисла параллельно стволу, готовая к спуску.

— Принимайте ее, мистер Райт!

— Слушаюсь, мистер Стронг!

Пока ветвь опускалась мимо него, он срезал самые большие боковые ветки, чтобы она не застряла по дороге. Когда с ним поравнялся ее последний отрезок, он внимательно осмотрел его. Дриады там не было и в помине.

Он заметил, что у него снова дрожат руки, а взглянув в сторону ствола, увидел такое, отчего они задрожали еще сильнее: луч на некоторое время заморозил поверхность среза, но сейчас, когда на срез упало солнце, из раны начала сочиться кровь...

Нет, не кровь. Сок. Красный сок! Господи боже, что это с ним происходит? Однако, несмотря ни на что, он продолжал следить глазами за шнуром, чтобы успеть предупредить Райта, если ветвь застрянет. Но ветвь оказалась очень покладистой: она беспрепятственно прошла сквозь нижние ветки, и вскоре он услышал голос Райта:

— Она уже внизу, мистер Стронг. Я возвращаю вам шнур. И тут же испуганное:

— Том, вы что, порезались?

— Нет, — ответил Стронг. — Это сок дерева.

— Сок! Будь я проклят! — и немного погодя: — Сухр говорит, что он кажется ему розовым. Но Блюскиз утверждает, что он темно-красный. А каким видите его вы, Стронг?

— Он похож на кровь, — ответил Стронг.

До того как понадобилось переместить лебедку, ему удалось срезать восемь ветвей. А когда лебедку установили с другой стороны дерева, он снял еще восемь.

Подошло время кончать работу. Райт сделал ему традиционное предложение:

— Хотите провести ночь на земле?

И Стронг ответил традиционным отказом:

— Черта с два!

— Обычай не покидать дерево, пока с ним не покончено, может не соблюдаться, если имеешь дело с таким великаном.

— Тем не менее я не нарушу его, — возразил Стронг. — Что там на ужин?

— Мэр посылает вам особое блюдо, приготовленное специально для вас. Я переправлю его наверх. А пока садитесь в лифт — надо же опуститься до ветви, где вы оставили древопалатку.

— Слушаюсь.

— Мы собираемся переночевать в отеле. Я не стану выключать свой приемник — вдруг вам что-нибудь понадобится.

Мэр появился только через полчаса, но блюдо, которое он привез, стоило времени, потраченного на его ожидание. Стронг успел установить палатку и теперь сидел перед ней, поджав потурецки ноги, и ел. Солнце скрылось, и листву алыми узорами расцветили птицы-хохотушки, хрипло крича вслед уходящему дню.

Заметно похолодало, и, покончив с едой, Стронг сразу же достал и включил обогревательный прибор. Фабриканты обогревательных приборов, предназначенных для пользования под открытым небом, учитывали не только удобства выезжающего за город потребителя, но и его настроение. Прибор Стронга был выполнен в виде небольшого костра, и с помощью регулятора можно было заставить искусственные дрова гореть ярко-желтым, темно-оранжевым или вишневым светом. Стронг выбрал вишневый, и бодрящее тепло, заструившееся из крохотных атомных батареек, отчасти разогнало его одиночество.

Вскоре начали восходить луны — у Омикрона Сети-18 их было три — и непрерывно меняющийся узор лунных бликов на листьях, ветви и цветах действовал усыпляюще. В своем новом обличье дерево было прекрасно. Птицы-хохотушки утомнились, поющих насекомых поблизости не было. Стояла полная тишина.

Вначале он увидел только отдельные штрихи: сияющую белизну ног, нежное мерцание рук; тьму, где ее тело скрывала туника; расплывчатое серебристое пятно лица. Наконец все это соединилось, и она возникла там во всей своей призрачной красоте. Она вышла из мрака и села по другую сторону костра. Сейчас лицо ее виделось гораздо отчетливей, чем днем, — очаровательное сказочной миниатюрностью черт и яркой синевой глаз.

Она долго хранила молчание, молчал и он, и они тихо сидели по обе стороны костра, а вокруг была ночь, серебряная, безмолвная и черная. И наконец, он произнес:

— Это ты была там, на ветви, правда?.. И в шатре из листьев тоже была ты, и это ты стояла, прислонившись к стволу.

— В некотором смысле, — сказала она, — в некотором смысле это была я.

— И ты живешь на этом дереве...

— В некотором смысле, — повторила она. — В некотором смысле я живу на нем. — И потом: — Почему земляне убивают деревья?

Он на мгновение призадумался.

— По очень многим причинам, — сказал он. — Если ты Блюскиз, ты убиваешь их потому, что это дает тебе возможность проявить одну из тех немногих унаследованных тобою черт, которую не смог отнять у твоей расы белый человек, — презрение к высоте. Но сколько бы ты ни убивал их, твоя душа, душа американского индейца, корчится от ненависти к самому себе, ибо по сути дела ты причиняешь другим землям то же самое, что белый человек причинил твоей собственной. Если же ты Сухр, ты убиваешь их потому, что, умерщвляя деревья, ты испытываешь такое же удовлетворение, какое художнику приносит живопись, писателю — творчество, композитору — создание музыкального произведения.

— А если ты — это ты?

Он почувствовал, что не сможет солгать.

— Тогда ты убиваешь их потому, что тебе не дано стать взрослым, — произнес он. — Ты убиваешь их потому, что тебе нравится поклонение обывателей, тебе нравится, когда они хлопают тебя по спине и угощают выпивкой. Потому, что тебе приятно, когда на улице хорошенькие девушки оборачиваются и глядят тебе вслед. Ты убиваешь их потому, что хитроумные компании вроде «Убийц деревьев, инкорпорейтед» отлично понимают твою незрелость и незрелость сотен других, таких, как ты, и они соблазняют тебя красивой зеленой униформой, соблазняют тебя тем, что посылают в школу древорубов и воспитывают там в надуманных традициях; тем, что сохраняют примитивные способы уничтожения деревьев — ведь благодаря этим примитивным способам ты кажешься почти полубогом тому, кто наблюдает снизу, и почти мужчиной самому себе.

— Так сорвите же нас, Земляне, — произнесла она, — маленькие Земляне, которые губят виноградники; ведь наши виноградники в цвету.

— Ты похитила это из моего сознания, — сказал он. — Но ты обмолвилась. Там говорится «лисы», а не «земляне».

— Лисы не переживают крушения надежд. Я сказала так, как нужно.

— ...Да, — согласился он. — Ты сказала так, как нужно.

— А теперь мне пора идти. Я должна подготовиться к завтрашнему дню. Я буду на каждой ветви, которую ты срезаешь. Каждый упавший лист будет казаться тебе моей рукой, каждый умирающий цветок — моим лицом.

— Мне очень жаль, — сказал он.

— Я знаю, — сказала она. — Но та часть твоей души, которая испытывает жалость, живет только ночью. Она всегда умирает на рассвете.

— Я устал — произнес он. — Я ужасно устал. Мне нужно выспаться.

— Так спи, маленький Землянин. У твоего маленького игрушечного костра, в твоей маленькой игрушечной палатке... Ложись, маленький Землянин, и свернись калачиком в твоей теплой уютной постели...

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Его разбудило пение птиц-хохотушек. Выбравшись из палатки, он увидел, как они порхают под древесными сводами, проносятся по зеленым коридорам, стремительно вырываются наружу сквозь ажурные отверстия в листве, розовые в свете зари.

Стоя на ветви, он выпрямился во весь рост, потянулся и полной грудью вдохнул прохладный утренний воздух. Потом включил передатчик.

— Что у вас на завтрак, мистер Райт?

Райт отозвался немедленно.

— Олады, мистер Стронг. Мы сейчас уничтожаем их как голодные волки. Но не волнуйтесь: жена мэра уже взбивает изрядную порцию специально для вас.. Хорошо выспались?

— Неплохо.

— Рад это слышать. Сегодня вам придется попотеть. Ведь сегодня вам достанутся ветви побольше. Уже заарканили какую-нибудь симпатичную дриаду?

— Нет. Забудьте о дриадах, мистер Райт; давайте-ка лучше сюда олады.

— Слушаюсь, мистер Стронг.

После завтрака он свернул лагерь и убрал в лифт палатку, одеяла и обогревательный прибор. Покончив с этим, Стронг поднялся в лифте к тому месту, где прервал работу накануне.

Он отмерил шагами девяносто футов и, опустившись на колени, закрепил щипцы. Потом попросил Райта натянуть шнур. Далеко внизу виднелись домики и задние дворы. На краю площадки выстроилась длинная очередь транспортировщиков древесины, готовых везти на лесопильный завод новый дневной урожай.

Когда шнур натянулся, он попросил Райта приостановить лебедку, пошел назад к стволу и, сев в седло, приготовился срезать ветвь. Поднял резак, прицелился. Прикоснулся к курку. «Я буду на каждой ветви...»

В сознании его вдруг вспыхнули видения прошлой ночи и на какой-то миг парализовали его волю. Он взглянул на конец ветви, где, поблескивая на солнце, трепетали под ветром убранные листьями тонкие боковые ветки. На этот раз он даже удивился, не увидев там дриады.

Прошла не одна минута, пока он, наконец, заставил себя перевести взгляд туда, куда ему сейчас положено было смотреть. И заново нацелил резак. «Возлюбленных все убивают, — подумал он и нажал курок. — Так повелось в веках».

— Принимайте ее, мистер Райт.

Когда ветвь стала спускаться, он отодвинулся в сторону и, пока она опускалась, срезал самые длинные боковые ветки. Большая часть этих веток все равно застревала в нижних слоях листьев, но, по мере того как сам он будет спускаться, все они в конце концов упадут на землю. Последние веточки были слишком малы и не вызывали беспокойства, и он отвернулся, чтобы осмотреть следующую ветвь. В ту же секунду он почувствовал на щеке нежное прикосновение листа.

Его лица словно коснулась рука женщины. Он отпрянул и с яростью потер щеку.

Немного погодя до него дошло, что в его мозгу уже давно настойчиво звучит чей-то голос.

— Том, — говорил голос. — Том! У вас все в порядке?

Он, наконец, понял, что голос принадлежит Райту и звучал не в мозгу его, а доносился из приемника.

— Что такое?

— Я спрашиваю, все ли у вас в порядке?

— Да... у меня все в порядке.

— Слишком уж долго вы не отвечали! Я хотел вам сказать, что только что пришло сообщение от директора лесопильного завода — по его словам, древесина всех ветвей, которые мы срезали, наполовину сгнила. Он боится, что им не удастся спасти ни кусочка. Передвигайтесь с осторожностью. Прежде чем перебросить шнур, хорошенько проверяйте прочность развилки.

— Мне дерево кажется вполне здоровым, — возразил Стронг.

— Как бы там ни было, не доверяйтесь ему в тех случаях, когда можно без этого обойтись. Как ни крути, а конец тут один. Я отослал несколько проб сока в местную лабораторию. Они утверждают, что в нем нет никакого красящего пигмента, наличием которого можно было бы объяснить его странный цвет. Так что, возможно, нам только кажется, что мы видим «кровь».

— А может, это само дерево заставляет нас видеть «кровь».

Райт расхохотался.

— На вас, видно, здорово подействовало общение с дриадами, мистер Стронг. Теперь смотрите в оба!

— Слушаюсь, — сказал Стронг, выключая передатчик.

Он с облегчением перевел дух. По крайней мере эта «кровь» встревожила не его одного. Срезая следующую ветвь, он уже чувствовал себя намного спокойнее. Он «слетел» на следующую ветвь и, повернувшись спиной к стволу, пошел к ее концу. Внезапно он почувствовал под ногой что-то мягкое. Опустив глаза, он увидел, что наступил на цветок, упавший не то с верхушки дерева, не то с одной из только что срезанных им веток. Он нагнулся и поднял его. Цветок был раздавлен, стебель его сломан, но, даже умирая, он каким-то необъяснимым образом мучительно напоминал женское лицо.

Он набросился на дерево, надеясь, что усталость притупит чувства.

Работал он с остервенением. Сок обагрил его руки, запятнал одежду, но он заставил себя не думать об этом. Он заставил себя не думать о цветах, о листьях, которые порой ласково касались его лица. К полудню он уже спустился ниже той ветви, на которой провел ночь. Над ним уходила в небо трехсотфутовая колонна изувеченного ствола.

Достав свой древоразион, он наспех перекусил и снова взялся за работу. Солнце палило нещадно. Он остро ощущал отсутствие ветвей и листьев, которые вчера прикрывали его тенью. Толстые и длиннющие нижние ветви своими размерами внушали ему благоговейный страх. Даже если точно знаешь, что шнур, которым пользуешься, никогда, ни при каких условиях не порвется, все равно трудно спокойно наблюдать, как тонкая нить поднимает в вертикальное положение двухсот- или трехсотфутовую ветвь и, приняв на себя всю ее тяжесть, плавно опускает на землю.

Чем ниже он спускался, тем сильнее «кровоточило» дерево, «Кровь», сочившаяся из обрубков, каплями стекала вниз, заливая ветви и листья и превращая его работу в какой-то кошмар из окровавленных пальцев и пропитанной красным одежды. Но он с упорством продолжал делать свое дело, и, когда кончился день, ему уже осталось пройти меньше двухсот футов.

Стронг установил палатку на самой верхней из оставшихся ветвей и попросил Райта прислать ему воду, мыло и полотенце. Когда Райт выполнил его просьбу, он разделся, хорошенько намылился и смыл пену водой. Вытершись насухо, он в остатке воды выстирал свою одежду и развесил ее над костром. Ему стало легче. Райт прислал ужин — еще одно блюдо, специально для него приготовленное женой мэра. Он набросил на плечи

одеяло и, усевшись, поджав ноги, у костра, принялся за еду. К тому времени, когда он покончил с ужином, платье его уже высохло, и он оделся. На небе высыпали звезды.

Он открыл чашку-термос, которую ему прислали вместе с едой, и, потягивая кофе, выкурил сигарету.

Он думал о том, придет ли она сегодня ночью.

Наконец поднялась первая луна, и вскоре к ней присоединились две ее серебристые сестры. Их белоснежное сияние преобразило дерево. Ветви, в том числе и та, на которой он сидел, казались лепестками огромного цветка. Но иллюзия эта вмиг рассеялась, когда его взгляд упал на поднимающийся из самой середины цветка изуродованный, весь в обрубках ствол.

Но он не отвел глаз. Встав во весь рост, он повернулся лицом к стволу и взглянул вверх на это уродство, созданное его собственными руками. Выше и выше поднимался его взгляд, туда, где прекрасная, как волосы женщины, темнела блестящая шапка вершины... Он вдруг заметил, что к волосам этим был приколот цветок; одинокий цветок, слабо мерцавший в лунном свете.

Он протер глаза и снова посмотрел туда. Цветок не исчез. Это был какой-то странный цветок, не похожий на остальные: он цвел над самым близким к вершине обрубком ветви — над тем самым обрубком, где он впервые увидел кровь дерева.

Лунный свет становился все ярче. Он нашел глазами развилку, через которую проходил шнур, и скользнул по шнуру взглядом вниз, до того места, где укрепил его, «покончив с дневной работой». Протянув руку, он коснулся шнура; прикосновение это было приятным, и через мгновение, облитый лунным светом, он уже лез наверх.

Он поднимался, играя узлами бицепсов, натягивая напрягшиеся мускулами спины рубашку. Все выше и выше, к лунному свету, к волшебству. А под ним постепенно уменьшались, сливаясь в сплошную серебристую массу, нижние ветви. Добравшись до развилки, через которую проходила седельная веревка, он снял ее, смотал и перебросил через плечо. Дыхание его было ровным и легким, он не чувствовал никакой усталости. И лишь тогда, когда он добрался до развилки, через которую проходил шнур, он начал задыхаться и утомлением налились его руки. Сделав на конце веревки петлю, он сложил ее витками и забросил на обрубок ветви, торчавший над ним примерно в пятнадцати футах. Так он забрасывал ее еще восемь раз, пока, наконец, не достиг развилки, через которую вчера впервые перебросил седельную веревку. Грудь его стеснило, вздувшиеся мускулы содрогались от боли. Он выпустил шипы и полез вверх, преодолевая последние футы ствола. Добравшись до самой высокой развилки, он поднял голову и увидел ее, сидящую на суку, и цветок был ее лицом.

Она подвинулась, освобождая для него место, и он сел рядом с ней, а далеко внизу, подобно гигантскому перевернутому зонтику, раскинулись нижние ветви дерева, и, обрамляя его убранные листьями края, словно многоцветные капли дождя мерцали огоньки деревни. Он увидел, что она стала еще тоньше и в глазах ее была грусть.

— Ты пыталась убить меня, правда? — отдышавшись, спросил он. — Ведь ты не верила, что я смогу взобраться сюда.

— Я знала, что ты с этим справишься, — сказала она. — Это завтра я убью тебя. Не сегодня.

— А как ты сделаешь это?

— Я... я не знаю.

— Но почему тебе захотелось убить меня? Есть же на свете другие деревья — если не здесь, то где-нибудь в иных землях.

— Для меня существует только одно-единственное, — ответила она.

— Дриады были нашей выдумкой, шуткой, — произнес он. — Моей и остальных. И, как это ни странно, никому из нас никогда не приходило в голову, что если бы они и впрямь существовали, то по логике вещей из всего населения Галактики они должны были бы ненавидеть именно нас.

— Ты ничего не понимаешь, — сказала она.

— Нет, понимаю. Ведь я могу представить, что бы я чувствовал, если б у меня был свой дом и в один прекрасный день кто-нибудь принялся разрушать его.

— Это совсем не то, — сказала она.

— Но почему же? Разве дерево — не твой дом? Ты живешь на нем одна?

— ...Да, — ответила она. — Я одинока.

— Я тоже одинок, — сказал он.

— Но не сейчас, — возразила она. — Сейчас ты не одинок.

— Нет. Сейчас нет.

Лунный свет, стекая с листьев, осыпал их плечи брызгами серебристых капель. Из золотого серебряным стало Великое Пшеничное Море и серебряной мачтой затонувшего корабля казалось видневшееся вдали мертвое дерево с голыми перекладинами мертвых ветвей, на которых когда-то вздувались паруса листы, искрясь на солнце, полоскались под теплыми летними ветрами, трепетали весной в порывах предрассветного бриза, дрожали осенними вечерами от холодного дыхания первых заморозков...

«Интересно, что происходит с дриадой, когда умирает ее дерево?» — подумал он.

— Она тоже умирает, — ответила она, прежде чем он успел спросить это вслух.

— А почему?

— Ты этого не поймешь.

— Прошлой ночью мне показалось, что ты мне приснилась, — помолчав немного, сказал он. — А сегодня утром, проснувшись, я уже не сомневался, что видел тебя во сне.

— Ты ведь не мог думать иначе, — сказала она. — И завтра ты вновь будешь думать, что я тебе приснилась еще раз.

— Нет, — возразил он.

— Да, — сказала она. — Ты опять будешь считать меня снавидением, потому что у тебя нет другого выхода. Ведь иначе ты не сможешь убить дерево. Иначе ты не выдержишь вида «крови» и самому себе покажешься безумцем.

— Может быть, ты и права.

— Я знаю, что я права, — произнесла она. — Как это ни ужасно. Завтра ты спросишь себя, а может ли вообще существовать на свете дриада, тем более такая, которая говорит по-английски, тем более такая, которая цитирует стихи, прочтя их

в моих мыслях; тем более такая, которая силой своих чар способна заставить меня преодолеть почти пятьсот футов ствола для того только, чтобы поболтать со мной, сидя на залитой лунным светом ветке.

— А если и вправду вдуматься, разве может быть такое на самом деле? — спросил он.

— Вот видишь? Еще не наступило утро, а ты уже сомневаешься. Тебе снова начинает казаться, что я — это всего лишь игра света на листьях и ветвях; что я — это всего лишь романтический образ, рожденный твоим одиночеством.

— Есть способ проверить это, — сказал он и, потянувшись, попытался коснуться ее. Но она выскользнула из-под его руки и отодвинулась к краю сука. Он последовал за ней и тут же почувствовал, как сук под ним согнулся.

— Не нужно, — попросила она. — Не нужно.

Она отодвинулась еще дальше, сейчас такая тонкая и бледная, что он едва мог различить ее на фоне затканной звездами небесной тьмы.

— Я знал, что ты мне только привиделась, — сказал он. — Ты не можешь быть настоящей.

Она не отозвалась. Он напряг глаза — и увидел лишь листья, и тени, и лунный свет. Он начал медленно двигаться обратно к стволу, как вдруг почувствовал, что сук под ним гнется все больше, и услышал треск ломающейся древесины. Но сук обломился не сразу. Вначале он пригнулся к дереву, и за какую-нибудь секунду до того, как он сломался окончательно, Стронг успел обхватить руками ствол и, прильнув к нему всем телом, повис так, пока ему не удалось вонзиться в дерево шипы.

Долгое время он не шевелился. Он слышал, как постепенно замирает свист рассеченного падающим суком воздуха, слышал, как далеко внизу зашелестела листва, через которую он проби-вал себе путь, и слабый стук его падения на землю.

Наконец он двинулся вниз. Спуск был каким-то совершенно нереальным. Казалось, ему не будет конца.

Он вполз в палатку и втащил за собой костер. Пчелиным ро-ем сонно жужжала в его мозгу усталость. Он исступленно меч-тал отделаться от дерева. Пропади она пропадом, эта традиция, подумал он. Он только срежет ветви, а потом пусть его мес-то займет Сухр.

Но он знал, что бесстыдно лжет самому себе; что никогда не допустит, чтобы Сухр коснулся лучом резака хоть одной ветки. Это дерево должен срубить он сам.

Вскоре Стронг заснул с мыслью о последней ветви.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

И именно последняя ветвь едва его не убила.

Когда он срезал все остальные, наступил полдень, и он при-остановил работу, чтобы позавтракать. Есть ему не хотелось. Его мутило от одного вида дерева — гладкого и стройного на про-тяжении первых двухсот восьмидесяти семи футов, искалечен-ного и гротескного на протяжении следующих шестисот сорока пяти. Только представляя себе, как к тем умирающим ветвям

взбирается не он, а Сухр, Стронг находил в себе силы продолжать работу.

И вот наступил момент, когда нижняя ветвь стала последней и ее пятьсот футов нелепо нависли над площадью и деревней.

В том месте, где он стоял, относительно небольшая толщина ветви позволяла ему взглянуть вниз, на площадь как раз под ним. Он собрал солидную аудиторию: там были, конечно, Райт, Сухр, Блюскиз и водители транспортировщиков древесины, а на улицах, находившихся за веревочным ограждением, толпились сотни колонистов; они, задрав головы, с жадным любопытством смотрели в его сторону. Но сейчас их присутствие почему-то не вызвало в нем того волнующего вдохновения, которое он обычно испытывал, работая на глазах у зрителей. Вместо этого он вдруг поймал себя на мысли о том, что бы они стали делать, если б он нечаянно уронил отрезанную ветвь. Ее хватило бы, чтобы разрушить не менее двадцати домиков, а если бы ее удалось еще и подтолкнуть, число это возросло бы в полтора раза.

Осознав вдруг, что это мысли предателя, он поспешил включить передатчик:

— Поднимайте ее, мистер Райт.

Туго натянутый шнур придавал сейчас ветви сходство с висячим мостом, державшимся на одном-единственном тросе. Стронг направился обратно к стволу и, дойдя до него, приготовился срезать ветвь. Поднял и нацелил резак. Едва он нажал курок, из листвы на другом конце ветви выпорхнула стайка птиц-хохотушек.

— А теперь еще выше, мистер Райт.

Застонав, ветвь слегка приподнялась. Птицы-хохотушки трижды облетели вокруг ствола, молниеносно взмыли к вершине и исчезли из виду. Он резанул снова. Эта сторона дерева была обращена к солнцу, и из образовавшейся щели выступил сок и тонкими струйками потек вниз по стволу. Стронг внутренне содрогнулся, резанул еще.

— Не ослабляйте натяжения, мистер Райт.

Ветвь постепенно поднималась все выше, дюйм за дюймом, фут за футом, внушая ужас своей чудовищностью. Среди ранее срезанных им ветвей попадались настоящие гиганты, но рядом с этой они выглядели карликами.

— Чуть быстрее, мистер Райт.

Ветвь стала подниматься равномерно. Он бросил быстрый взгляд вниз, Сухр и Блюскиз, разрезав последнюю посланную Стронгом вниз ветвь на части, подходившие для погрузки на транспортировщики, следили за ним с напряженным вниманием. Райт стоял у главной лебедки, не спуская глаз с поднимавшейся ветви. Площадь отливала красным. Как и одежда стоявших внизу мужчин.

Стронг вытер лицо окровавленным рукавом рубашки, снова перевел взгляд на срез и постарался сконцентрировать на нем все внимание. Ветвь уже стояла почти вертикально — наступил критический момент. Он опять вытер лицо. Господи, как же падало солнце! И никакой тени, чтобы укрыться от его жгучих лучей. Ни малейшей тени. Ни клочка, ни пятнышка, ни ничтожнейшей крупинки тени...

Его вдруг заинтересовал вопрос, по какой бы цене шла тень дерева, если б в Галактике обнаружилась ее острая нехватка. И как бы вы ее продавали, если б она у вас была? Кубическими футами? В зависимости от температуры? Качества?

Доброе утро, мадам. Мой бизнес — тени деревьев. Я специализируюсь на продаже всевозможных редких теней: к примеру, я торгую тенями плакучей ивы, дуба, яблоневого дерева, клена и многих, многих других деревьев. Но сегодня я могу предложить нечто исключительное — совершенно необычную тень дерева, только что доставленную с Омикрона Сети-18. Она глубока, темна, прохладна и великолепно освежает; короче, это именно та тень, в которой лучше всего можно отдохнуть после дня, проведенного на солнце, — кстати, это последний экземпляр такого рода, поступивший в продажу. Вам, мадам, наверное, кажется, что вы хорошо разбираетесь в тенях и вас ничем не удивить, но поверьте, что вам никогда в жизни не попадалось ничего похожего на эту тень. Ее продавали прохладные ветры, в ней пели птицы и день-деньской резвились дриады...

— Стронг!

Он очнулся с быстротой пловца, вынырнувшего из глубины моря на поверхность. На него надвигалась темная громада ветви. Она обламывалась по линии надреза, отделялась от своего основания. Он услышал громкий треск древесины и скрежет трения коры о кору. Он увидел «кровь».

Стронг хотел метнуться в сторону, но ноги словно налились свинцом. Застыв на месте, он мог только смотреть, как неумолимо приближается ветвь, и ждать, пока, окончательно освободившись, не обрушатся на него эти тонны древесины и его кровь не смешается с «кровью» дерева.

Он закрыл глаза. «Это завтра я убью тебя, — сказала она. — Не сегодня».

— Банг! — загудел шнур, приняв на себя всю тяжесть отломившейся ветви, и он почувствовал, как задрожало дерево.

Но удара почему-то не последовало, тело его не было раздавлено и размазано по стволу. Сейчас для него существовала только тьма за опущенными веками и ощущение, что время остановилось.

— Стронг! Бога ради, да убирайтесь же, наконец, отсюда!

Он открыл глаза. В последний момент ветвь качнулась в другую сторону. А теперь она пошла обратно. Ноги его ожили; отчаянно карабкаясь и цепляясь ногтями за кору, он перебрался на другую сторону ствола. Дерево все еще содрогалось, и это мешало ему сесть в седло, но, прижавшись к выпуклостям коры, он ухитрился продержаться так, пока не стихла вибрация. Когда дерево успокоилось, он вернулся по стволу обратно, туда, где на конце шнура покачивалась ветвь.

— Все, Стронг. С вас хватит. Я приказываю вам спуститься на землю!

Взглянув вниз, он увидел стоявшего у лебедки Райта, который, подбоченясь, сердито смотрел на него. Блоскиз возился у пульта управления лебедки, а Сухр уже застегивал на себе пояс верхолаза. Ветвь быстро приближалась к земле.

«Итак, значит, меня снимают с дерева», — подумал Стронг.

Он подивился, что не чувствует от этого никакого облегчения.

Разве совсем недавно не мечтал он о том, чтобы очутиться на земле?

Откинувшись в седле, он задрал голову и взглянул на дело своих рук: на ужасные обрубки ветвей и какую-то бесплотную вершину. Что-то удивительно прекрасное было в этой вершине, невыносимо, до боли прекрасное. Она была скорее золотистой, чем зеленой, и больше походила на женские волосы, чем на переплетение листьев и ветвей...

— Вы слышите меня, Стронг? Я приказал вам спуститься на землю.

Внезапно он представил себе, как к этим прелестным золотистым косам подбирается Сухр, как он оскверняет их своими грубыми руками, насилует, разрушает. Будь это Блюскиз, он бы с этим смирился. Но Сухр!

Он опустил взгляд на развилку, через которую проходил шнур. Последняя ветвь уже была на земле, и шнур больше не двигался. Его глаза проследовали вдоль серебристой нити до того места, где шнур висел в нескольких футах от ствола. Протянув руку, он ухватился за него и влез на только что созданный им обрубок. Освободившись от седла, он стянул вниз веревку, свернул ее кольцами и перебросил через плечо.

— Стронг, я предупреждаю вас в последний раз!

— Идите вы к черту, Райт! — сказал Стронг. — Это мое дерево!

Он полез вверх по шнуру. Пока Стронг преодолевал первые сто футов, Райт, ни на секунду не умолкая, осыпал его проклятиями. А когда он уже преодолел более половины пути, тон Райта несколько смягчился. Но Стронг словно бы оглох.

— Ладно уж, Том, — сдался, наконец, Райт, — раз так, кончайте с деревом сами. Только не вздумайте лезть по шнуру до вершины. Поднимитесь в лифте.

— К дьяволу лифт! — огрызнулся Стронг.

Он сознавал, что поступает неразумно, но ему было наплевать на все. Он хотел добраться до вершины именно так, хотел выжать из себя все силы, хотел истерзать свое тело, хотел испытать боль. Боль пришла, когда до развилки, через которую проходил шнур, оставалось футов двести. Когда он достиг ее, боль уже разгулялась вовсю. Но это была еще не та боль, которой он жаждал, и, не передохнув ни секунды, он сделал на конце веревки петлю, забросил ее на торчавший выше обрубок ветви и полез дальше. Еще три раза забрасывал он веревку, пока не добрался до первой ветви вершины, и, очутившись под сенью листьев, с благодарностью окунулся в живительную прохладу. Боль раздирала его мышцы, легкие жгло огнем, в горле словно спекся ком дорожной грязи.

Немного отдышавшись, он отхлебнул из фляжки и лег в прохладной тени без мыслей, без чувств, без движения. Откуда-то сквозь туман забытья донесся до него голос Райта:

— Хоть вы и полнейший болван, Стронг, но древоруб вы замечательный!

Он был слишком измучен, чтобы ответить.

Постепенно, капля за каплей, к нему возвращались силы; он встал на ветви и выкурил сигарету. Потом взобравшись повыше, он принялся внимательно осматривать ветви. В общем-то

он и не ждал, что найдет ее там, но, прежде чем приняться за вершину, он должен был знать, что ее там нет.

Птицы-хохотушки тарашили на него глаза-полумесяцы. Зеленые беседки были усыпаны цветами. Под слабым ветерком тихо дрожали обрызганные солнцем листья.

Он хотел позвать ее, но не знал ее имени. Если оно вообще у нее было. Странно, что он не догадался спросить, как ее зовут. Он разглядывал причудливые изгибы ветвей, невиданные узоры из листьев.

Верхушка дерева была пуста — нигде не было ни ее лица, подобного цветку, ни ее сотканной из листьев туники, ни ее тонких ног и рук цвета спелой пшеницы, ни ее золотых как солнце волос. Он не мог сказать, что он почувствовал, не найдя ее, — облегчение или разочарование. Он боялся найти ее. Ведь окажется она на вершине дерева, он не знал бы тогда, как поступать дальше. Но теперь Стронг понял: точно так же он боялся ее не найти.

— Мистер Стронг! Вы прощаетесь со своей дриадой?

Вздвигнув, он посмотрел вниз на площадь. Трио — Райт, Сухр и Блюскиз казались отсюда микроскопическими, едва различимыми точками.

— Осматриваю ее, — ответил Стронг. — Я имею в виду вершину. Здесь около девяноста футов; вы справитесь с ней, если я срежу ее целиком?

— Рискнем, мистер Стронг. Но я хочу, чтобы вы, пока позволит диаметр, разрежали верхнюю часть ствола на «бревна» длиной по пятьдесят футов каждое.

— Тогда готовьтесь, мистер Райт.

Ему показалось, что, падая, вершина склонилась перед небом в прощальном поклоне. Птицы-хохотушки выпорхнули из листьев и алой искоркой мелькнули к горизонту. Вершина поплыла к земле, точно зеленое облако, и летним ливнем зашумел рассекаемый листьями воздух.

Дерево затряслось, как плечи рыдающей женщины.

— Блестящая работа, мистер Стронг, — услышал он немного погодя голос Райта. — По моему приблизительному подсчету, вы сможете теперь нарезать одиннадцать пятидесятифутовиков — больше не получится из-за возрастающего диаметра ствола. Потом вы должны будете отрезать два «бревна» по сто футов. Если вы сделаете это как следует, то, упав, они не доставят нам никаких хлопот. А потом вам останется только свалить последние двести футов основания, но так, чтобы его верхняя часть легла на одну из улиц деревни; когда вы спуститесь, мы обмозгуем, как это сделать получше. Таким образом, вам предстоит пустить в ход ваш резак еще четырнадцать раз. Как, по-вашему, вы успеете кончить сегодня?

Стронг взглянул на часы.

— Сомневаюсь, мистер Райт.

— Если успеете — прекрасно. Если нет — в нашем распоряжении еще целый завтрашний день. Пожалуй, не стоит испытывать судьбу, мистер Стронг.

Первое пятидесятифутовое «бревно», спикував, ударилось о черную землю площади и, секунду постояв вертикально, завалилось набок. За ним последовало второе...

Потом третье, четвертое...

Ну не забавно ли, подумал Стронг, насколько физический труд ставит все на свои места и излечивает рассудок. Сейчас ему трудно было поверить, что каких-нибудь полчаса назад он искал дриаду. Что не прошло и суток с того времени, когда он с ней разговаривал...

Пятое, шестое...

После седьмого работа пошла медленнее. Стронг приближался к отметке, сделанной им раньше на середине ствола, и диаметр его уже достиг почти тридцати футов. Ему теперь приходилось вбивать в ствол древоколья и протягивать через отверстия на их концах импровизированные спасательные пояса. Но зато благодаря замедлившемуся темпу работы Сухр и Блюскиз успевали теперь резать «бревна» на части, подходящие по размеру для погрузки на транспортировщики. Вначале они отставали, а сейчас начали его догонять. Как сообщил Райт, колонисты окончательно распростились с надеждой спасти древесину и складывали ее штабелями на открытой местности, подальше от лесопилки, чтобы потом сжечь всю сразу.

Стронг искоса поглядывал на солнце. Он пробыл на дереве почти три дня, и ему совсем не улыбалось провести еще одну ночь на его ветвях. Или, вернее, на их обрубках. Однако, разделившись с последними пятидесятифутовиками, он вынужден был признать, что ему этого не миновать. Солнце уже почти скрылось за Великим Пшеничным Морем, и он знал, что ему вряд ли удастся до наступления темноты сбросить вниз хотя бы одно стофутовое «бревно».

На обрубке, где он сейчас стоял, уместилось бы двадцать древопалаток. Райт перебросил через этот обрубок шнур (лифт был спущен еще днем, и трос лебедки смотан) и отправил наверх кое-какие припасы и ужин. Оказалось, что на ужин мэр снова посылал специально для него приготовленное блюдо. Установив палатку, Стронг без особой охоты принялся за еду; от его вчерашнего аппетита не осталось и следа.

Он был настолько измучен, что даже не умылся — хотя Райт прислал ему, помимо еды, воду и мыло — и, поужинав, растянулся на грубой коре и принялся наблюдать за серебристым восходом лун и робким пробуждением бледных звезд.

На этот раз она приблизилась к нему на цыпочках и, сев рядом, устремила на него печальный взгляд своих голубых глаз. Его потрясла бледность ее лица, и он чуть не зарыдал, увидев, как впали ее щеки.

— *Сегодня утром я искал тебя,* — сказал он. — *Но так и не нашел. Где ты скрываешься, когда исчезаешь?*

— *Нигде,* — ответила она.

— *Но должна же ты где-нибудь находиться?*

— *Ты ничего не понимаешь.* — сказала она.

— *Правда,* — согласился он. — *Пожалуй, я действительно не понимаю. Пожалуй, я не пойму никогда.*

— *Нет, ты поймешь.* — сказала она. — *Ты поймешь завтра.*

— *Завтра будет слишком поздно.*

— *Сегодня уже слишком поздно. Слишком поздно было вчера. Слишком поздно было еще до того, как ты поднялся на дерево.*

— Скажи, — произнес он, — ты из тех, кто построил деревню?

— В некотором смысле, — ответила она.

— Сколько тебе лет?

— Не знаю.

— Ты помогала строить деревню?

— Я выстроила ее одна.

— А вот сейчас ты лжешь, — сказал он.

— Я никогда не лгу, — возразила она.

— Что произошло с коренными жителями этой планеты?

— Они возмужали. Утратили ясность взгляда. Они начали осмеивать обычаи своих предков, обвинив их в невежестве и суеверии, и создали новые обычаи. Они начали изготавливать предметы из железа и бронзы и менее чем за сто лет полностью нарушили экологический баланс, который не только поддерживал их существование, но и стимулировал его в такой степени, что стимул этот был чуть ли не главной движущей силой их бытия. Поняв, что они наделали, они пришли в ужас; но было уже слишком поздно.

— И поэтому они погибли?

— Ты видел их деревни.

— Да, я видел их деревни, — проговорил он. — И я читал в отчете Разведывательного Отряда о пещерах смерти в северных пустынях, куда они притаились со своими детьми умирать. А эта деревня? Ведь они могли бы спасти ее, срубив дерево, как это делаем мы.

Она покачала головой.

— Ты все еще ничего не понимаешь, — сказала она. — Для того чтобы получать, нужно и давать: это закон, который они нарушили. Некоторые из них нарушили его раньше, другие позже, но со временем его нарушили все и должны были за это поплатиться.

— Ты права, — согласился он. — Я этого не понимаю.

— Ты поймешь завтра. Завтра все станет ясным.

— Прошлой ночью ты пыталась убить меня, — сказал он. — Зачем?

— Ты ошибаешься. Прошлой ночью ты хотел убить себя сам. Я пыталась убить тебя сегодня.

— Ветвью?

— Да.

— Но как?

— Неважно. Важно то, что я этого не сделала. Не смогла.

— Куда ты уйдешь завтра?

— Почему тебя беспокоит, куда я уйду?

— Просто так.

— Вряд ли ты полюбил меня...

— Почему ты думаешь, что я не могу тебя полюбить?

— Потому что... Потому что...

— Потому что я не верю, что ты существуешь?

— А разве не так? — спросила она.

— Не знаю, — сказал он. — Порой мне кажется, что ты реальна, порой я в это не верю.

— Я так же реальна, как и ты, — сказала она. — Только по-иному.

Внезапно он протянул руку и коснулся ее лица. Кожа ее была нежной и холодной. Холодной, как лунный свет, нежной, как лепесток цветка. Лицо ее заколебалось, заколебалось все ее тело. Он сел и повернулся к ней. Она была светом и тенью, листьями и цветами; она была ароматом лета, дыханием ночи. Он услышал ее голос. Голос этот был настолько тих, что ему с трудом удалось разобрать слова:

— Тебе не следовало этого делать. Ты должен был принять меня такой, какой я тебе казалась. Теперь ты погубил все. Теперь нам придется провести нашу последнюю ночь друг без друга, в одиночестве.

— Значит, ты все-таки не существуешь, — сказал он. — Тебя не было никогда.

Никакого ответа.

— Но если тебя никогда не было, значит, ты мне пригрезилась. А если ты мне пригрезилась, как могла ты рассказать мне о том, чего я не знал раньше?

Никакого ответа.

— Из-за тебя моя работа выглядит преступлением. Но ведь это не преступление. Когда дерево начинает угрожать обществу, его следует срубить.

Никакого ответа.

— Но тем не менее я отдал бы все на свете, чтобы этого не было, — добавил он.

Молчание.

— Все на свете...

Около него по-прежнему было пусто. Наконец он повернулся, вполз в палатку и втащил в нее костер. Он отупел от усталости. Онемевшими пальцами он кое-как разворошил одеяла, обернул ими свое онемевшее тело. Согнул онемевшие колени и обхватил их онемевшими руками.

— Все на свете, — пробормотал он. — Все на свете...

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Его разбудил солнечный свет, просочившийся сквозь стенку палатки. Он отшвырнул одеяла и выбрался наружу, навстречу утру.

Он не увидел алого порхания птиц-хохотушек; не услышал их утреннего щебетания. Дерево, залитое солнцем, безмолвствовало. Мертвое дерево.

Нет, не совсем мертвое. У входа в палатку переплелись прекрасные зеленые ветки, усыпанные цветами. Ему было невыносимо больно от одного их вида.

Он выпрямился во весь рост на обрубке ветви, полной грудью вдыхая утренний воздух. Стояло тихое утро. Над Великим Пшеничным Морем поднимался туман, и в ярко-голубом небе, словно только что выстиранное белье, висели обрывки перистых облаков. Он подошел к краю обрубка и посмотрел вниз. Райт смазывал лебедку. Сухр резал на части последнее пятидесятифутовое «бревно». Блюскиза нигде не было видно.

— Почему вы не разбудили меня, мистер Райт?

Райт поднял голову, нашел глазами его лицо.

— Я подумал, что вам не вредно придавить пару-тройку лишних минут, мистер Стронг.

— Это была неплохая мысль... Где наш индеец?

— На него снова напали буйволы. Топит их в баре отеля.

На площадь въехал двухколесный жирокар, и из него вылез плотный мужчина с корзинкой в руке. Мэр, подумал Стронг. Завтрак. Он помахал рукой, и мэр помахал ему в ответ.

Как вскоре выяснилось, в корзинке были ветчина, яйца и кофе. Стронг наскоро позавтракал, разобрал и сложил палатку и вместе с одеялами и костром отправил ее в лифте вниз. И приготовился отрезать первое «бревно».

«Бревно» отделилось безо всяких осложнений. Он «слетел» в седле вниз, чтобы приняться за следующее.

Сделав надрез с той стороны, куда, как распорядился Райт, должно было упасть «бревно», он перебрался на противоположную сторону ствола. Благодаря буграм и трещинам коры это оказалось делом несложным, и он даже время от времени останавливался, чтобы бросить взгляд на площадь. Площадь была ближе, чем во все предыдущие дни, и с его новой позиции она выглядела как-то непривычно; такими же странными казались ему отсюда дома, улицы и толпы наблюдавших за ним колонистов, которые собрались за пределами огороженной и опустевшей части деревни.

Райт остановил его, когда он, перебравшись на другую сторону ствола, оказался как раз напротив первого надреза и забил древокол. Он откинулся в седле, оперся ногами о выпуклость коры и взялся за резак.

Начал он очень осторожно. Ведь просчитайся он хоть на самую малость, на него могли обрушиться тысячи тонн древесины. Трудность состояла в том, что ему приходилось делать надрез над колом: он был вынужден, подняв руки, держать резак над головой и следить за тем, чтобы луч шел к стволу под нужным углом.

Для этой сложной операции требовались прекрасное зрение и безошибочный глазомер. Стронг обладал и тем и другим, но сегодня его сковывала усталость. Насколько он устал, он понял лишь тогда, когда до него донесся отчаянный крик Райта.

Тут только он осознал, как подвели его выпуклости коры. Вместо того чтобы рассчитать угол луча, исходя из всей видимой ему поверхности ствола, он учел лишь его ограниченный участок — выпуклости сбили его с толку. Но было поздно что-либо изменить: на него уже валилось стодвадцатифутовое «бревно», и он ничем не мог этому помешать.

Он находился в положении человека, который, прильнув к скале, видит, как на него начинает падать глыба, отделившаяся от каменного массива, и вот-вот на его теле неизбежно сомкнутся каменные челюсти. И хотя в этом случае челюсти были из древесины, аналогия не становилась от этого менее точной: судьба комара, раздавленного между двумя камнями, мало чем отличается от судьбы комара, раздавленного между двумя кусками дерева.

Он не почувствовал страха, он просто не успел осознать ужас происходящего. С недоумением наблюдал он за тем, как падающая глыба закрыла от него солнце, превратив трещины между

буграми коры в темные пещеры. Он с удивлением прислушивался к голосу, который явственно звучал в его мозгу и вместе с тем никак не мог быть порожден его собственным сознанием — слишком уж много было в этом голосе нежности и муки.

— Прячься в трещину. Быстрее.

Он не видел ее: он даже не был уверен, что голос принадлежал ей. Но тело его мгновенно откликнулось на эти слова, и он судорожно начал втискиваться в ближайшую трещину, стараясь забиться туда как можно глубже. Еще секунда, и его усилия пропали бы даром, — едва плечо его коснулось внутренней стенки, надрезанный кусок ствола с грохотом обломился и ринулся вниз. Оглушительный рев, треск, летящие во все стороны щепки — и, наконец, кусок ствола исчез, проскользнув мимо.

Трещину залил солнечный свет.

Вскоре он услышал тяжелый удар — «бревно» упало на землю. За ним последовал еще удар, и он понял: оно приземлилось вертикально, а потом завалилось набок. Стронг почти с надеждой ждал, что за этим последует треск ломающегося дерева, звон разбитого стекла и прочие звуки, которые раздаются, когда на дома обрушивается что-то невероятно тяжелое, но ничего не услышал.

В трещине не было пола, и он держался в ней, прижав колени к одной ее стенке, а спину — к другой. Теперь, когда все кончилось, он медленно пододвинулся к отверстию и взглянул вниз, на площадь.

«Бревно» упало под углом, пропахав в земле глубокую борозду и выбросив на поверхность предметы древних погребальных обрядов и обломки человеческих костей. Потом оно вытянулось во всю длину на площади, по счастливой случайности не задев ближайших домиков. Райт и Сухр бегали вдоль «бревна» в поисках его изувеченного тела... Внезапно он услышал хохот. Он понял, что это смеялся он сам; но не потому, что узнал свой голос, а просто в трещине, кроме него, больше никого не было. Он хохотал до боли в груди, пока не стал задыхаться, пока не выплеснул из себя всю истерию. Отдышавшись, он включил передатчик и сказал:

— Уж не меня ли вы ищете, мистер Райт?

Райт напрягся и, круто повернувшись, взглянул вверх. Вслед за ним повернулся и Сухр. Некоторое время они молчали. Наконец Райт поднял руку и вытер рукавом лицо.

— Я только могу сказать, мистер Стронг, — произнес он, — что здесь не обошлось без вашей доброй дриады. — И добавил: — Спускайтесь же, дружище. Спускайтесь поскорее.

Стронг, наконец, понял, что теперь он может спуститься на землю: его работа, если не считать рубки основания ствола, закончена.

Сев в седло, он «полетел» вниз, через каждые пятьдесят футов заново укрепляя седельную веревку. В нескольких футах от земли он остановился, выскользнул из седла и прыгнул на площадь.

Солнце стояло в зените. Он провел на дереве три с половиной дня.

Подождал Райт и пожал ему руку. Его примеру последовал Сухр. Стронг не сразу сообразил, что обменивается рукопожа-

тием еще с кем-то третьим. Это был мэр, который сейчас привез особые яства уже для всех, не забыв прихватить складной стол и стулья.

— Мы никогда не забудем вас, мой мальчик, — говорил мэр, подрагивая висевшими под подбородком дряблыми складками кожи. — Мы никогда вас не забудем! В вашу честь я созвал вчера вечером внеочередное совещание Правления, и мы единодушно проголосовали за то, чтобы, как только будет сожжен пень, воздвигнуть на площади вашу статую. На ее основании мы вырежем слова: «Человек, Который Спас Нашу Обожаемую Деревню». Не правда ли, это звучит весьма героически? Однако такая надпись отнюдь не преувеличивает ваши заслуги. А сегодня, сегодня вечером, я желал бы выразить свою благодарность в более осязаемой форме: мне хотелось бы видеть вас — вместе с вашими друзьями, конечно, — у себя в отеле. Все угощения за счет заведения.

— Я ждал, когда вы это скажете, — брякнул Сухр.

— Мы приходем, — сказал Райт.

Стронг промолчал. Наконец мэр выпустил его руку, и все четверо сели обедать. Биштексы, привезенные с Южного Полушария; грибы, доставленные с Омикрона Сети-14; наскоро приготовленный салат; зеленый горошек; свежий хлеб; абрикосовый пирог; кофе.

Стронг насильно запихивал в себя пищу. Ему совершенно не хотелось есть. Ему хотелось только выпить. Напиться до бесчувствия. Но для этого еще не пришло время. Ведь ему предстояло сейчас свалить основание ствола. Потом он уже сможет пить. Потом-то он поможет Блюскизу утопить буйвола. За счет заведения. «Человек, Который Спас Нашу Обожаемую Деревню». Налей-ка, бармен. Налей еще. *Он больше не был в ярко-красном, бармен, но он обрызган был вином багряным, кровью алой в тот час, когда убил, — ту женщину убил в постели, которую любил...**

У мэра был прекрасный аппетит. Теперь его обожаемая деревня спасена. Теперь он мог, расположившись у камина, спокойно пересчитывать свои кредитки. Ему больше не придется портить себе нервы из-за дерева. Стронг чувствовал себя тем самым маленьким голландцем, который, заткнув рукой дыру в плотине, спас от моря дома бургеров.

Он обрадовался, когда, наконец, кончился обед, обрадовался, когда, откинувшись на спинку стула, Райт произнес:

— Что вы теперь нам скажете, мистер Стронг?

— Скажу, что пора с ним кончать, мистер Райт.

Все встали. Мэр забрал свой стол и стулья, сел в жироскар и присоединился к остальным колонистам, толпившимся за пределами опасной зоны. Деревня сверкала в лучах солнца. Улицы словно были только что выметены. Домики с их искусно выполненными украшениями напоминали свежие, только что из печи, пряники. Стронг чувствовал себя уже не маленьким голландцем, а Джеком — Убийцей Великанов. Настало время для последнего удара.

* О. Уайльд. Баллада Реддингской тюрьмы. Перевод В. Брюсова. (Прим. перев.)

Он занял позицию у подножия ствола и начал делать надрез. Райт и Сухр стояли за его спиной. Работал он очень внимательно — ведь нужно было, чтобы ствол упал именно в том направлении, которое наметил Райт. Он резал глубоко и добросовестно и, кончив, уже знал точно: на этот раз ствол покорится ему.

В последний раз стал он в нужную позицию и поднял резак. Нажал курок. *«Возлюбленных все убивают, так повелось в веках... — подумал он. — Кто трус — с коварным поцелуем, кто смел — с клинком в руках*»*. — На стволе образовалась щель. По краям ее выступила красная жидкость. — *Самые современные клинки, изготовленные в Нью-Америке, Венера. Стопроцентная гарантия, что они никогда не затупятся...*

И всегда беспощадны».

«Кровь» текла по стволу, окрашивая траву. Невидимое лезвие резака неумолимо двигалось из стороны в сторону, из стороны в сторону. Двухсотфутовый обрубок, некогда бывший высоким и гордым деревом, задрожал и начал медленно клониться к земле.

Был долгий свистящий звук падения; глухой, подобный грому, завершающий удар; содрогнулась земля.

Поверхность гигантского пня стала ярко-красной под лучами солнца. Стронг уронил резак на землю. То и дело спотыкаясь, он побрел вокруг пня, пока не уперся в высокий, как многоэтажный дом, бок только что сваленного обрубка. Он упал так, как это было рассчитано — верхняя часть его аккуратно улеглась между двумя рядами домиков. Но Стронга домики больше не трогали. Честно говоря, они никогда не трогали его по настоящему. Он пошел вдоль обрубка, не отрывая глаз от земли. Он нашел ее на краю площади. Он знал, что найдет ее, если будет смотреть повнимательнее. Она была солнечным светом и полевым цветком, переменчивым рисунком травы. Он видел ее не всю — только ее талию, груди, руки и прекрасное умирающее лицо.

— Прости меня, — сказал он и увидел, как она улыбнулась и кивнула головой, увидел, как она умерла; и снова была трава, и полевой цветок, и солнце.

ЭПИЛОГ

Человек, спасший обожаемую деревню, положил локти на стойку бара, который когда-то был алтарем, в отеле, который когда-то был церковью.

— Мы пришли топить буйвола, мэр, — произнес он.

Мэр, который в честь такого события взял на себя обязанности бармена, нахмурился.

— Он хочет сказать, — пояснил Райт, — что мы не прочь выпить.

Мэр просиял.

— Позвольте предложить вам лучшее марсианское виски, при-

* О. Уайльд, Баллада Редингской тюрьмы. Перевод В. Брюсова. (Прим. перев.)

готовленное из отборнейших сортов кукурузы, которые произрастают в Эритрейском Море.

— Тащите его сюда из вашего паутинного sklepa, и мы посмотрим, что это такое, — ответил Стронг.

— Это шикарное виски, — сказал Блюскиз, — но оно не топит буйвола. Я уже полдня глотаю его.

— Провались со своим проклятым буйволом! — рявкнул Сухр. Мэр поставил перед Райтом, Стронгом и Сухром стаканы и наполнил их из золотой бутылки.

— Мой стакан пуст, — сказал Блюскиз, и мэр налил ему тоже. Из уважения к древорубам местные жители предоставили в их распоряжение весь бар. Однако все столики были заняты, и время от времени кто-нибудь из колонистов поднимался и произносил тост — за Стронга или за древорубов вообще, — и все остальные, как мужчины, так и женщины, вставали тоже и с радостными возгласами осушали свои стаканы.

— Как бы я хотел, чтобы они убрались отсюда, — сказал Стронг. — Чтобы они оставили меня в покое.

— Они не могут оставить вас в покое, — возразил Райт. — Ведь вы теперь стали их новым богом.

— Еще виски, мистер Стронг? — спросил мэр.

— Мне нужно еще много виски, — ответил Стронг. — Чтобы заглушить воспоминания об этой гнусности...

— Какой это гнусности, мистер Стронг?

— Хотя бы вашей, маленький землянин, вашей. Вы, презренный жирный маленький землянин!..

— Было видно, как буйволы возникали на горизонте, под облаком пыли, поднимавшейся из-под копыт, — сказал Блюскиз, — и они были прекрасны в своем косматом величии, и мрачны, и грандиозны, как смерть.

— Так сорвите же нас, земляне, — сказал Стронг, — маленькие жирные земляне, которые губят виноградники; ведь наши виноградники в цвету...

— Том! — воскликнул Райт.

— Вы разрешите мне воспользоваться случаем и подать в отставку, мистер Райт? Я никогда больше не убью ни одного дерева. Я сыт по горло вашей вонючей профессией.

— В чем дело, Том?

Стронг не ответил. Он посмотрел на свои руки. Часть виски из его стакана пролилась на стойку, и пальцы его стали влажными и липкими. Потом он поднял глаза на заднюю стенку бара. Некогда она была стеной местной церкви, которую колонисты превратили в отель, и в этой стене сохранилось несколько украшенных изысканной резьбой ниш, в которых раньше выставлялись предметы религиозных обрядов. Сейчас ниши были заполнены бутылками вина и виски — все, кроме одной. В этой единственной, не занятой бутылками нише стояла маленькая кукла.

У Стронга застучало в висках. Он указал на нишу.

— Что... что это за кукла, мэр?

Мэр повернулся к задней стенке бара.

— О, эта? Это одна из тех резных статуэток, которые в ранний период своей истории местные жители ставили над очагами — по поверию, эти фигурки охраняли их дома.

Он взял статуэтку из ниши и, подойдя к Стронгу, поставил ее перед ним на стойку.

— Дивная работа, мистер Стронг, не правда ли?..

Стронг впился глазами в фигурку: он не мог оторвать взгляда от ее изящных рук и длинных стройных ног; от ее маленьких грудей и тонкой шеи; от ее волшебного лица и золотистых волос; от тончайшей резьбы листьев ее зеленой одежды.

— Если я не ошибаюсь, эта фигурка называется «фетишем», — продолжал мэр. — Она была сделана по образу их главной богини. Из того немногого, что мы знаем о них, можно заключить, что в древности местные жители верили в нее настолько фанатично, что кое-кто из них даже утверждал, что видел ее.

— На дереве?

— Иногда и на дереве.

Стронг протянул руку и коснулся статуэтки. Он с нежностью поднял ее. Основание фигурки было влажным от пролитого им на стойку виски.

— Тогда... тогда она должна была быть Богиней Древа.

— О нет, мистер Стронг. Она была Богиней Очага. Домашнего Очага. Разведывательный Отряд ошибся, считая, что деревья были религиозными символами. Мы прожили здесь достаточно долго, чтобы понять чувства местных жителей. Они поклонялись своим домам, а не деревьям.

— Богиня Очага? — повторил Стронг. — Домашнего Очага? А что же она в таком случае делала на дереве?

— Что вы сказали, мистер Стронг?

— На дереве. Я видел ее на дереве.

— Вы шутите, мистер Стронг!

— Провались я на этом месте, если я шучу! Она была на дереве! — Стронг изо всех сил стукнул кулаком по стойке. — Она была на дереве, и я убил ее!

— Возьмите себя в руки, Том, — сказал Райт. — На вас все смотрят.

— Я уничтожал ее дюйм за дюймом, фут за футом. Расчленил, отрезая ей руки и ноги. Я убил ее!

Внезапно Стронг остановился. Что-то было неладно. Что-то должно было произойти и не произошло. Тут он увидел, что мэр пристально смотрит на его руку, и понял, в чем дело.

Ударив кулаком по стойке, он должен был почувствовать боль. Но боли не было. И теперь он понял, почему: его кулак не отскочил от стойки, а вошел в дерево. Как будто оно сгнило.

Он медленно поднял руку. Из вмятины, оставшейся после удара, потянуло разложением. Дерево действительно сгнило.

Богиня Очага. Домашнего Очага. Деревни.

Круто повернувшись, он быстрыми шагами направился между столиками к выходившей на улицу стене и с размаху ударил кулаком по тщательно отделанной, полированной поверхности дерева.

Его кулак прошел сквозь стену.

Он схватился за край пробитой им дыры и потянул. Кусок стены отвалился и упал на пол. Помещение наполнилось смрадом гниения.

В глазах наблюдавших за ним колонистов застыл ужас.

Стронг повернулся к ним лицом.

— Весь ваш отель прогнил до основания, — произнес он. — Вся ваша проклятая деревня!

Он захохотал. К нему подошел Райт и ударил его по лицу.

— Придите в себя, Том!

Смех его замер. Он набрал полные легкие воздуха, выдохнул.

— Неужели вы не понимаете, Райт? Дерево! Деревня! В чем нуждается дерево этого вида, чтобы вырасти до такого колоссального размера и существовать дальше, когда приостановится его рост? В питании. Во многих тоннах питания. И в какой почве! В почве, удобренной отбросами и трупами умерших, орошаемой с помощью искусственных озер и водохранилищ, то есть оно нуждается в условиях, которые могут быть созданы лишь большими поселениями человеческих существ.

Что же происходит с подобным деревом? Веками, а может и тысячелетиями, оно постепенно познает, чем можно заманить к себе людей. Чем? Выстроив дома. Правильно. Выстроив, вер-

нее вырастив дома из своих собственных корней; домики настолько очаровательны, что человеческие существа не могли устоять перед соблазном поселиться в них. Теперь-то вы понимаете, Райт? Теперь вам ясно, почему в соке, еще не прошедшем фотосинтеза, питательных веществ содержалось больше, чем нужно дереву, и почему после фотосинтеза в нем было так много кислорода и углеводов. Дерево старалось поддержать не только себя, оно также пыталось поддержать существование деревни. Но ему это уже не удавалось — из-за неизменной человеческой глупости и эгоизма.

Райт был потрясен. Стронг взял его за руку, и они вместе вернулись к бару. Лица колонистов казались вылепленными из серой глины. Мэр по-прежнему тупо смотрел на вмятину в стойке.

— Может, вы поднесете еще один стаканчик человеку, который спас вашу обожаемую деревню? — спросил Стронг.

Мэр не шелохнулся.

— Должно быть, древние знали об экологическом балансе и облекли свои знания в форму суеверия, — сказал Райт. — И именно суеверие, а не знание переходило из поколения в поколение. Возмужав, они поступили точно так же, как все слишком быстро развивающиеся человеческие общества: они полностью пренебрегли суевериями. Научившись со временем обрабатывать металлы, они выстроили заводы по обеззараживанию сточных вод, мусоросжигательные печи и крематории. Они отвергли все системы ликвидации отходов, которыми их когда-то обеспечили деревья, и превратили древние кладбища у подножия деревьев в деревенские площади. Они нарушили экологический баланс.

— Они не ведали, что творят, — сказал Стронг. — А когда они поняли, к чему все это привело, было слишком поздно восстановить его. Деревья уже начали умирать, и, когда окончательно погибло первое дерево и начала гнить первая деревня, их обуял ужас. Быть может, привязанность к своим домам настолько вошла в их плоть и кровь, что они просто не смогли вынести, как дома умирали у них на глазах. Поэтому они ушли в северные пустыни. Поэтому они умерли от голода или замерзли в пещерах смерти, а может быть, все вместе покончили жизнь самоубийством...

— Их было пятьдесят миллионов, пятьдесят миллионов косматых величественных животных, обитавших в тех плодородных долинах, где ныне простирается Великая Северо-Американская пустыня, — сказал Блюскиз. — Трава, которой они питались, была зеленой — они возвращали ее земле в своем помете, и трава зеленела вновь. Пятьдесят миллионов! А к концу бойни, устроенной белыми людьми, их осталось пятьсот.

— Видимо, из всех деревень эта «модернизировалась» последней, — сказал Райт. — И все же дерево начало умирать за много лет до прихода колонистов. Поэтому-то деревня теперь гниет с такой быстротой.

— Гибель дерева ускорила процесс разложения, — сказал Стронг. — Вряд ли хоть один домик простоят больше месяца... Но дерево могло бы прожить еще лет сто, если бы они не так торопились сохранить свою проклятую недвижимую собствен-

ность. Дерево такого размера умирает очень долго... А цвет сока — думаю, что я теперь понял и это. Его окрасила наша совесть... Однако, мне кажется, что в каком-то смысле она... оно хотело умереть.

— И, несмотря ни на что, колонисты будут возделывать землю, — сказал Райт. — Но пока они будут этим заниматься, им придется жить в землянках.

— Кто знает, может быть, я совершил акт милосердия... — сказал Стронг.

— О чем это вы оба толкуете? — спросил Сухр.

— Их было пятьдесят миллионов, — сказал Блюскиз. — Пятьдесят миллионов!

Перевела с английского С. ВАСИЛЬЕВА

ОТ РЕДАКЦИИ

«Срубить дерево» — это рассказ о человеке, который хищнически относится к богатствам природы.

Советскому читателю может показаться непонятной слепота героев рассказа, «рубящих сук, на котором они сидят». Однако такова логика капиталистического общества, его отношение к природе. Сорвать куш и не заботиться о том, что будет после. История знает немало подобных примеров, и автор приводит два из них: уничтожение плодородия почвы в Великой Северо-Американской пустыне и почти полное истребление бизонов, как вида. Дело, однако, не только в нарушении экологического баланса, как пишет Р. Янг, а в том, что человек-хищник, человек капиталистического общества не может относиться к природе иначе. А это уже не биологическая, а социальная проблема. Именно этого и не осознает автор; для него цивилизация — только капиталистическая, и иной он не представляет себе. Он видит, как представители этой цивилизации оставляют после себя пустыню, но не находит действительного решения проблемы: человек и природа. Для капиталистического общества она неразрешима. Боль за уничтожаемую природу побуждает автора на совсем фантастические домыслы: он наделяет дерево сознанием, и притом большим, чем у многих людей, персонажей рассказа.

Острое беспокойство писателя за судьбу природных богатств мира и придает особенную ценность его произведению.